

The background is a painting of a woman with blonde hair, wearing a white long-sleeved shirt and shorts, walking away from the viewer on a sandy beach towards the ocean. The sky is filled with large, expressive brushstrokes in shades of blue and white, suggesting a dramatic, cloudy day. The water is dark blue with white foam from the waves. The overall style is expressive and somewhat abstract, with visible brushwork throughout.

Обычные жизненные обстоятельства

Валерий Екимов

18+

Валерий Петрович Екимов

Обычные житейские обстоятельства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70276822

SelfPub; 2024

Аннотация

На страницах этой небольшой повести автор снова объединяет три самостоятельных рассказа-эпизода, так или иначе связанных с легендарным некогда, в конце восьмидесятых, рейдовым тральщиком «Антилопа» (так моряки называли свой корабль), воедино. Каждый выхваченный во времени диалог и созданная аура того времени погружают читателя в атмосферу тех лет. Рассуждения на социальные, философские, психологические темы вкупе с забавными приключениями и морально-этическими дилеммами вчерашних курсантов военно-морских училищ наталкивают читателя на серьезные мысли о прошлом, настоящем и будущем. Кто знает, может быть, прочитав эту забытую морскую историю восьмидесятых годов прошлого века, кому-то удастся найти ответы и на свои собственные не отвеченные вопросы о том, кем мы были тогда, о чём мечтали и чего хотели, кем стали теперь, а главное – кем будем завтра. Повесть задумана, как очередное предисловие к готовящейся к изданию книге-романе «Антилопа, или Морские небылица восьмидесятых».

Валерий Екимов

Обычные житейские обстоятельства

...Где-то на Балтике в конце восьмидесятых.

Начало зимы. Понедельник. «Мертвый час»!

Точнее – два часа, отведенные распорядком дня личному составу экипажей кораблей в Минной гавани на приём пищи, послеобеденный отдых и решение прочих личных вопросов...

На флоте всё, буквально всё учтено и расписано в распорядке дня и... всевозможных инструкциях, наставлениях, уставах. И это, пожалуй, правильно, кто бы и как из непосвященных, пусть даже трижды великих и талантливых, ни думал и писал на этот счёт! За многими, кажущимися на первый взгляд неразумными, путанными и даже смешными постулатами, стоит многовековой опыт предыдущих поколений, реальные судьбы и жизни людей. Одним из таких «атавизмов» на флоте является особо любимый и почитаемый моряками, а потому свято соблюдаемый до сих пор «мёртвый час». Тут не надо полагать и раздумать над его смыслом в повседневной деятельности флота, тем более там, где смысла вовсе нет, есть лишь факт, принятый за аксиому: «так долж-

но быть, потому как – быть так должно»!

...Пролетевший ночью над гаванью шторм ушёл. Море к утру совсем успокоилось и на радость многим замерзло. Лед, схватив гладкую морскую поверхность в гавани, ретиво взялся за рейд, а значит – все запланированные на сегодня выходы в море, разумеется, отменяются. Для моряков пришло время решать накопившиеся за долгую навигацию многочисленные домашние житейские проблемы.

У лейтенанта Старикова, командира рейдового тральщика с бортовым номером двести двадцать девятый, ласково прозванного моряками «Антилопой», их накопилось не мало, главная из которых – это срочно найти жильё, ну, то есть, временное место проживания, для своей семьи, состоящей пока ещё только из него самого и любимой малышки жены. Съёмную три месяца назад комнатёнку у замечательной старушки Нины Егоровны, с которой они познакомились совершенно случайно в одном из близлежащих с гаванью жилых дворов, пришло время освободить в связи с возвращением её сына из командировки.

Что же делать?..

Ах, до чего ж таки замечательный вопрос, сколько раз на своём жизненном пути мы задаемся им и его спутником – кто виноват? – конечно.

...Старикова, как и всех прочих, вновь прибывших к новому месту службы офицеров, три месяца назад включили в список нуждающихся в получение «жилья», но эта прекрас-

ная перспектива сейчас для его семьи весьма и весьма отдаленная... нереальная¹.

В общем, искать тут нечего!

Это он сразу смекнул, пообщавшись с коллегами по командирскому «цеху», а потому и не сидит, сложа руки в ожидании «у моря погоды», а с первого же дня пребывания в гавани, говоря современным языком, занялся кропотливым маркетингом: изучением обстановки, поиском неординарных идей, неожиданных решений.

За прошедшую осень Феликс переговорил практически со всеми офицерами и мичманами, много лет «мыкающимися» в базе по съемным квартирам, перезнакомился со всякого рода писарями, оформителями, секретарями, которые, так или иначе, имеют отношение к жилищно-бытовой комиссии Бригады. Выведал, кажется, все потайные тропы: кому как не им, работникам «пера и чернила», знать все входы и выходы в эти щепетильные вопросы повседневных житейских передряг моряков.

Но пока, говоря честно, результат его поисков был, прямо скажем, плачевный: выяснилось, что более половины офицеров дивизиона так же, как и он, вообще не имеют никакого жилья кроме собственной каюты на корабле и, лишь изредка, в отпуске видятся со своими семьями, женами, если, конеч-

¹ Примечание автора: бесконечно рад за сегодняшних офицеров, реально получающих служебные квартиры для своих семей практически сразу по прибытию в часть, – спокойной Вам службы, братишки.

но, те у них... ещё остались. Нашлись, конечно, и такие, кто, не сильно печалась, выбрали себе «спутницу жизни» прямо здесь, в базе с жильем и удобствами. Оказались, правда, и те немногие счастливицы, кто через пару пятилеток получил-таки своё собственное жилище, дождавшись очереди.

Но все эти варианты сейчас молодому лейтенанту совершенно не подходят: они с женой не могут ждать, у них в запасе лишь три дня, точнее – уже два с половиной, за которые надо куда-то съехать.

В общем, не с веселыми мыслями наш лейтенант входит в кают-компанию офицеров дивизиона, расположившуюся в соседнем с политотделом Бригады здании, где ему только что в очередной раз отказали в приеме заявления на срочное предоставление комнаты, хотя б в каком-нибудь общежитии, подменом фонде, бараке, казарме, наконец.

Что ж, остается надеяться, лишь на чудо, – на его величество случай!

– Послушай, Феликс, – выслушав переживания лейтенанта, говорит мичман Прокофьев, секретарь комсомольской организации Бригады, случайно оказавшийся с ним рядом за одним столом, – а ты в заводские общежития пробовал заглянуть?

– В какие... общежития? – удивляется Стариков.

– В какие-какие?.. – передразнивает его Володька Прокофьев. – За-вод-ски-е! – весело тянет. – Их вокруг гавани «пруд пруди», к примеру, общежития нашего Судоремонт-

ного завода.

– Не-ет.

– Эх ты, сыщик, весь город протралил в поисках жилья, а на родном заводе под боком дивизиона не побывал. Кстати, ваш секретарь комсомольской организации дивизиона, Петя Скрипка там где-то, в этих «общагах» и обитает... обосновался, то есть.

– Не может быть, – выдыхает Феликс, – а я-то, дурак, пожалуй, с ним одним в дивизионе и не поговорил, понимаешь, он какой-то...

– Безапелляционный, – сдержанно улыбается Владимир. – Весь такой громкий, балагурный, шебуршной и даже... неприступный. Да-да – я знаю! Но поверь мне, вопрос «жилья» не только портит людей, говоря словами Булгакова, но и объединяет, а значит...

– Спа-си-бо, друг! – недослушав, кричит Феликс уже из коридора.

Немедля ни секунды, лейтенант мчит на всех «парах» к флагманскому кораблю дивизиона «Водителю», прозванного так по его основному свойству водить в море за собой безэкипажные суда, где мичман Скрипка числится в должности боцмана.

– Что-что? – громогласно на всю гавань дивизиона отзовется Пётр, лишь только заслышав вопрос Старикова. – Какое ещё заводское общежитие?.. Да кто этот бред тебе поведал?

Петя Скрипка, в отличие от неторопливого основательного Володьки Прокофьева очень суетлив, энергичен, напорист и, увы, очень шумный и... бесцеремонный. И какая может быть субординация? – он же здесь, в дивизионе, самый опытный, бывалый – служит больше десяти лет, оставшись когда-то на сверхсрочную службу. Последние пять лет мичман – бессменный выборный секретарь комсомольской организации, пока возраст позволяет, а попутно ещё и её, а значит и всего дивизиона, нештатный завхоз. Всё, буквально всё вокруг него кипит, движется, изменяется, правда, далеко не всё доходит до логического конца, до победной, так сказать, точки. Но это и не важно: «Достижение – ничто, движение – всё!...» – частенько сам себе повторяет комсорг и потому, если что-то пошло не так, не туда, как он считает, он быстро теряет к этому интерес, переключившись на что-то иное более перспективное.

– Это ж надо такое придумать? – размахивая руками, шумно продолжит бушевать он.

Эту особенность «боцмана-комсорга» Стариков уже хорошо изучил – так часто бывает у всех холериков – первая реакция всегда бурная, но, обычно, ничего не значащая, а потому нужно действовать с понятным для него «нахрапом», чтоб увлечь его открывающими перспективами нового действия, новыми справедливыми свершениями.

– Меня, товарищ мичман, к вам с комсомольским наказом направил комсорг Бригады! – также громко, как и Скрип-

ка, на всю стенку пирса с нажимом на одухотворяющее старо-комсомольское слово «наказ» давит в ответ лейтенант.

– Володька, что ли? Прокофьев? – на полуслове осекается Пётр. – Вот добрая душа, – обескуражено тянет, с интересом уставившись на молодого офицера. – Ну-у, если сам политотдел Бригады, да ещё с наказом, тогда... другое дело. Вы же у нас, товарищ лейтенант, как я понимаю, новый командир «Антилопы»?

– Так точно, – без тени издёвки, серьезно рапортует Феликс.

– Ну, и от-лич-но, – незаметно перейдя на «вы», с некоторым беспокойством в голосе тянет боцман-комсорг. – А вы, товарищ лейтенант, давно с Прокофьевым знакомы?

– Давно, – не смущаясь, врет Стариков, лишь в прошлую субботу познакомившийся с ним во время культпохода экипажа корабля в Базовый матросский клуб, и, заметив внимательный взгляд Пети, для убедительности добавляет, – очень давно, товарищ мичман.

– Ну что ж, тогда слушайте и вникайте, – привычно с неуёмной энергией включается в работу Скрипка. – Общага эта вовсе даже и не заводская, Володька не в курсах, она принадлежит тылу Базы, просто временно «подвешена» на баланс завода. За нашей Бригадой в ней числится десять комнат. Распределяют их теоретически на жилищно-бытовой комиссии, где Володька числится секретарем, но по факту всё решает не она, а лично комендант, назначенный на-

чальником тыла. Кто к нему вовремя и правильно «подкатит», тому он «зеленую улицу» и сделает и в Базе и в Бригаде, а уж после оформляются всякие там заявки, протоколы, решения. Ясно?

– Так точно! – коротко и с воодушевлением выдыхает Феликс, ничего-то в итоге из сказанного не поняв, но, догадавшись, что всё это только прелюдия, для него пока ровным счётом ничего не значащая.

Здесь главное молчать и слушать, молчать и слушать, не мешая умудренному житейскими передрыгами человеку добраться до самого главного, до сути, что ли, чутко уловив в ней то, что требуется лично от тебя, не показавшись при этом в глазах бывалого, как говорится, не «в теме». А то, глядишь, и птица удачи улетит прочь, помчавшись по волнам житейских обстоятельств, лишь помахав на прощание своим всё испепеляющим крылышком.

– Молодец, – распаляется Петя, – а теперь вникай дальше: два дня назад из Бригады с базового тральщика в соседнюю базу перевели штурмана.

– Та-ак, – многозначительно тянет лейтенант.

– А за ним числится комната в нашем общежитии, которую он в связи с переводом обязан сдать.

– И что?

– Как что? – взрывается Пётр. – Сдать, говорю, обязан!

– По-нял, – снова многозначительно давит Стариков.

– Ну, вот, сдать-то он должен, да не захочет этого делать,

кто ж просто так добровольно от жилья отказывается, станет тянуть, да скрываться, пока кто-нибудь от него этого не потребует.

– Да-а, де-ла! – разочаровано выдыхает ничего не смыслящий в хитроумных сплетениях «подковёрной возни» лейтенант, но, почувствовав, что во всем сказанном комсоргом есть что-то очень важное, какая-то недосказанная им деталь, уверенно добавляет. – Всё ясно, товарищ мичман, будем действовать немедленно, говорите, что требуется от меня прямо сейчас.

– Что... требуется... прямо... сейчас? – словно взвешивая каждое слово, с расстановкой медленно проговаривает тот. – Ну, для начала, ваше заявление на имя коменданта и... – хитро прищурился левый глаз, тихо добавляет, – две банки по «ноль пять».

– Есть, – коротко выдыхает Стариков и, не сказав ни слова, срывается с места к себе на корабль в каюту, где на всякий случай у него всегда имеется неприкосновенный запас спирта.

Заявление Феликса и «железные аргументы» для коменданта через пять минут окажутся в руках комсорга и, как говорил небезызвестный Остап Бендер: «...лед тронулся, господа присяжные заседатели, лед тронулся».

И он действительно тронулся!..

Ну, и как можно после этого сказать, что политработники на флоте не нужны, что они ничего не смыслят в воен-

но-морском деле и ни за что не отвечают? Конечно, в любом военном подразделении всегда и за всё в ответе командир и только командир, ему тяжелее всех, не понимать это может лишь тот, кто никогда не бывал в его «шкуре». Но и он, командир, кокой бы не был правильный и замечательный, нуждается в противовесе, балансе, антиподе, что ли. Любое единоначалие, даже в небольшом коллективе искушает, губит... всех и каждого.

Это факт!

А, кроме того, никто лучше специально обученного «общественника» не способен организовать ни одно культурно-значимое мероприятие на корабле, в коллективе: культпоход, конкурс, собрание, соревнование, викторину, встречу с членами семей экипажа и даже... похороны. Увы, и такое случается. В общем, продуманное сбалансированное устройство любого коллектива, социума, возможно даже целой страны, наиболее устойчивое, правильное, справедливое. Всему в нашем Мире должен быть свой противовес. Вопрос лишь в том, как его создать?

...Уже утром следующего дня, находясь в общем строю дивизиона на подъеме флага, Петя Скрипка, довольно улыбаясь, прошепчет на ухо Феликсу:

– Срочно беги к Володьке, проси оформить решение ЖБК, пока никто не опомнился, твое заявление с одобрением коменданта ему вот-вот должны передать.

– Спасибо, друг, – искренне на всю стенку прокричит Ста-

риков, сорвавшись с места, как только прозвучит команда комдива: «Вольно, разойдись».

– Спасибо не булькает, – шутливо прогудит тот ему вдогонку и тут же, забыв про него, с напором переключится на не успевший ещё разбежаться по кораблям личный состав дивизиона, высыпая на них, как из «рога изобилия», свои многочисленные поручения, распоряжения, просьбы по подготовке очередного отчетно-перевыборного собрания.

В общем, новый день задался, полетел, помчался...

...Спустя пару дней, в пятницу на вечернем докладе, проще сказать – на совещании командиров кораблей и специалистов штаба в конце рабочего дня, произошло нечто удивительное.

– Стариков, да ты, оказывается, после своего легендарного похода с посредником «гроза» не только для штаба Бригады, но ещё и политотдела, – добродушно подтрунивает комдив, вручая при всем офицерском составе дивизиона новому командиру рейдового тральщика выписку из протокола совещания ЖБК (жилищно-бытовой комиссии). – Чтоб на первом году службы хоть что-то, не считая койку-место на корабле, конечно, от Базы получить удалось – такого не припомню. А тут целую комнату, аж на двенадцать метров, да ещё в общаге рядом с гаванью. Мо-ло-дец!.. Удивлён!.. Поздравляю.

– Спасибо, товарищ комдив! – лейтенант крепко жмет

протянутую руку капитана третьего ранга Мерякова под одобрительный гул своих коллег-офицеров.

– Смотри, Феликс, не упусти удачу.

– Есть, товарищ комдив, – пожимая протянутые руки офицеров, радуется лейтенант, – не упусти.

Спустя час, после завершения рабочего дня, весь остаток жидкого «неприкосновенного запаса» командира «РТ-ешки» ушёл на выражение его безмерной благодарности всем, кто хоть как-то оказался причастен к этому долгожданному событию...

Не зря, кстати, ушёл!

...или просто, вовремя сообразив, без приглашения явился к нему в тесную радушную каюту на Антилопе.

— Вот только теперь, товарищ лейтенант, вам за нашим бывшим штурманом побегать придётся, – неожиданно, так, между прочим, хохотнул разгоряченный праздником незнакомый мичман, пришедший на праздник вместе с главным архитектором события – секретарём комсомольской организации дивизиона мичманом Петей Скрипкой.

– Зачем это? – тут же настораживается Феликс.

– Как зачем? – загадочно улыбается тот. – А ключ от комнаты получить?

– Ключ?

– Ну, конечно, – тянет со знанием дела, – ключ! Не станешь же ломать дверь в комнату, где, вещи чужие хранятся?.. Это статья!.. Впрочем, можно и не бегать, всё равно он

вам его не отдаст, разве что продаст, если уже не продал... кому-нибудь.

– Как это... – расширяются от ужаса глаза Феликса, – продал. Кому?

– Да мало ли желающих найдётся?.. Молодому механику, к примеру, с его же бывшей «БТ-ешки», он-то тоже недавно назначен на должность и также, кажется, ищет жильё для семьи.

– По-тря-са-ю-ще! – ошарашено тянет Стариков, но, быстро оправившись от шока, выстреливает. – И что предлагаете?

– Как что, командир, у вас же бумага на руках... законная, – доверительно тянет подвыпивший мичман, – говорю по дружбе с вашим комсоргом, ни секунды не медля, мчите в «общагу» к администратору и, предъявив ему вашу выписку из приказа, забирайте дубликат ключа от комнаты.

– Понятно, – тяжело выдыхает лейтенант.

– Не падай духом, Феликс, – подбадривает товарища Скрипка, – коллега дело говорит, хотя конечно на месте этого штурмана, я б на всякий случай вставку замка заменил...

– Как это? – вскидывается Стариков

– Да вот так: заменил бы и всё! А кто ему помешает, пока вещи его там хранятся?

– Вещи хранятся? – заводясь, непроизвольно вторит за ним лейтенант.

– Ну, конечно, – снисходительно жмет плечами Пётр.

– Боцман, – едва сдерживая накатившую ярость, звон-

ко на весь корабль взрывается лейтенант, – старший матрос Стрельба, ко мне!

– Товарищ командир, старший матрос Стрельба, по вашему приказанию прибыл, – докладывает, Бог весть, откуда появившийся перед каютой перепуганный боцман. – Что случилось?

– Топор, плоскогубцы, молоток, гвозди и навесной замок, – грубо, словно тот в чём-то виноват, ревет ошалевший командир, выбираясь из переполненной людьми каюты.

– Есть, товарищ командир, – с присущей для боцмана расторопностью, не менее звонко и громко отвечает тот, моментально «испаряясь» в пространстве.

– Электрик, – привычным для экипажа фейерверком в критический для корабля момент на ходу сыпет команды Стариков, – старший матрос Листопадов, ко мне.

– Я, товарищ командир, – моментально из дизельного отсека появляется на верхней палубе взерошенная голова матроса.

– Отвертку, шурупы, стамеску и... фонарик.

– Есть, товарищ командир,

– Моторист...

– Я здесь, товарищ командир, – перебив, тут же отзывается матрос Горбатеи с пирса, как раз возвращающийся откуда-то на корабль, – тут вам дивизионный механик вставку для врезного замка зачем-то передал.

– Вставку?... – удивляясь, останавливается Феликс. – Ну,

конечно же, вставку, – радостно вспыхивает и, глядя на подросших с инструментом боцмана и электрика, весело кивает им. – Готовы?

– Так точно, – не задумываясь, режут те.

– Всегда готовы, – шутливо отдав по-пионерски «салют», дурачится вслед за ними и вбегающий на корабль Ромка Горбатея.

– Ну, что ж, тогда вперёд, – командует он, построив своё «войско» в колонну по одному на стенке гавани, – за мной шагом марш.

И, не тратя больше не секунды, Стариков прямо на ходу к общежитию, расположенному в доме номер одиннадцать по улице Нахимова, где и находится полученная им от ЖБК Бригады комната №38-аз, вводит свой боевой экипаж, не раз уже побывавший с ним в различных передрягах, в курс дела, распределяя роли каждому.

– Сергей, как самый сообразительный, находит администратора и под любым предлогом тащит его ко мне.

– Есть, товарищ командир, – живо реагирует сообразительный электрик Листопадов, – А, если он откажется?

– Листопадов, – чуть повысив голос, давит Феликс, – я ведь, кажется, ясно сказал: под любым предлогом.

– Есть, товарищ командир.

– Ну, прояви смекалку, – смягчается, – скажи, к примеру, что это команда «начальника политотдела». Ну, или, в крайнем случае, притащи его как-нибудь... нежненько, на руках.

– Понял, товарищ командир, – хохочет электрик, по-видимому, представив, как он, тащит брыкающегося администратора на руках.

– Саня с Ромкой, полные радушия и обаяния, двигают на кухню и, охмурив симпатичными улыбками первых попавшихся там дам, приглашают их в качестве понятых для вскрытия нашей комнаты, – делая ударение на «нашей», наставляет Феликс.

– Есть товарищ командир, – одновременно отзываются боцман и механик.

– А вдруг они... откажутся? – чуть помедлив, всё-таки неуверенно выдаёт Горбатей.

– Рома, сказал же, сим-по-тич-но улыбаясь, – весело тянет развеселившийся вдруг Стариков, – охмурить,... Что тут не понятного?.. Ну, скажешь им, что есть шанс поучаствовать в описи имущества их бывшего соседа. От таких приключений, будь спокоен, ни одна домохозяйка, ни одной коммуналки в мире не откажется.

– Есть, товарищ командир, – хихикают в ответ, довольные Стрельба с Горбатеем, покидая строй вслед за электриком в поисках кухни по длинному с футбольное поле коридору старого послевоенной постройки общежитию...

К удивлению план лейтенанта Старикова сработает на все сто.

Решительность, с какой Феликс предъявил администратору свой документ, скрепленный волшебным словосочета-

нием из его уст – «команда начальника политотдела» – ни у кого не вызовет ни тени сомнения в правильности действий законного представителя собственника, которым является Бригада тральщиков, в лице лейтенанта Старикова, о чем и гласила выписка решения ЖБК.

... Уже через час в руках Феликса появляется подписанная четырьмя понятыми-соседками и дежурным администратором опись нехитрого имущества в два чемодана и тахты, оказавшейся за закрытой дверью комнаты.

А у счастливого администратора, без осложнений явившегося по первому зову Феликса, оплаченные лейтенантом квитанции долгов за прошедший квартал и два запасных новеньких ключа от навесного и внутреннего замка, быстренько врезанных боцманом и механиком пока работала комиссия.

А ещё через полчаса возбужденные необычным приключением домохозяйки на огромной кухне общежития станут с жаром рассказывать Феликсу все последние новости-сплетни и о Бригаде, о Базе, и, конечно же, о предыдущем хозяйине комнаты, которые, думается, нет никакой необходимости поминать здесь. К тому ж, спешащий за женой Феликс и сам уже через каких-то десять минут после прощания с ними основательно забудет их, всецело окунувшись в суету переезда семьи в своё собственное первое «жильё», комнату. Ждать и откладывать это событие, как он сам уже успел убедить, совершенно нельзя. На флоте на самом деле нет ничего вто-

ростепенного, неважного, и то, что можно сделать именно сейчас, вопреки известной боцманской поговорке, ни в коем случае нельзя откладывать на завтра, иначе это прекрасное завтра... может и не наступить!..

... Впрочем, в нашем случае оно, это наше прекрасное завтра наступило в полном рассвете чудесности, неповторимости и многогранности.

Командир рейдового тральщика с двести двадцать девятым бортовым номером, ласково прозванным моряками «Антилопой», Феликс Стариков придиричиво наблюдая с ходового мостика за работой экипажа на верхней палубе во время начавшейся «большой приборки», неожиданно замечает, как со стороны соседнего дивизиона по стенке пирса к кораблю, размахивая руками, приближается группа сильно возбужденных офицеров.

– Товарищ капитан-лейтенант командир корабля, лейтенант Стариков, – удивленно представился Феликс, спустившись с командирского командного пункта к трапу, навстречу вступившему на него невысокому, коренастому офицеру с приплюснутым боксерским носом. – Сообщите цель вашего прибытия на корабль и...

– Да ты что, «карасина позорная», совсем уже «обурел» в корень? – грубо перебивает тот, бесцеремонно спрыгивая на палубу рядом и пропуская за собой ещё двоих: длинного тощего лейтенанта и крупного упитанного мичмана с крас-

ным лицом. – Большим командиром себя тут, на «РТ-ешке», возомнил, что ли?

На поясе последнего Феликс с удивлением матросский ремень с ярко начищенной медной бляхой.

– Та-ак!.. – привычно вспыхивают холодно-серые, под стать бесцветной балтийской волне, глаза лейтенанта, быстро смекнувшего суть происходящего.

...Кто ж не знает, что ни офицерам, ни мичманам матросский ремень не положен, им и вдевать-то его некуда: тренчики на офицерских брюках узкие – ремень в два раза шире. А, впрочем, и у самих матросов ремень, как правило, функцию поддержки брюк выполняет едва ли. Моряки – всем известные пижоны, форму носят подогнанную исключительно «тютельница в тютельку» по фигуре, а иначе нельзя: во-первых, она должна быть удобной, не цеплять за всевозможные углы и приспособления на верхней палубе корабля, а во-вторых, элегантна и представительна на берегу среди гражданского населения.

А то, как же иначе?

У ремня есть своя функция, иная, незаметная. Он, как и «головной» убор – развивающиеся на ветру ленточки! – прежде всего украшение моряка – содержится всегда в абсолютном порядке, чистоте, блеске. Но, кроме того, ремень – это средство обороны: каждый моряк умеет одним рывком, расстегнув бляху, выдернуть его из тренчиков и, намотав на руку, занять боевую позицию для отражения неожиданной

атаки превосходящих сил.

Почему превосходящих?

Да потому что с равным количеством сухопутных оппонентов среднестатистический моряк справится и без ремня.

– Чего надо? – уставившись отрешённым ничего не выражающим взглядом боксеру в переносицу, закипает Стариков.

– Че-го на-до?.. – сквозь зубы передразнивает долговязый лейтенант, смешно двигая смоляными загнутыми в подкову бровями и усами. – А кто дал тебе право вскрывать мою комнату в общежитии и менять замки на двери?.. Там, между прочим, мои личные вещи.

– Во-рю-га, – заходя Феликсу за спину, брызжет вчерашним перегаром красномордый, и, демонстративно медленно намотав ремень на руку, вдруг истерично визжит, – сам расскажешь, куда норковую шубу дел или в отделение милиции оттащить?..

– Понятно, – беззаботно ухмыльнувшись, неожиданно спокойно выдыхает Стариков. – А я-то, грешным делом, подумал, что-то стряслось. В общем так, товарищ лейтенант, цель вашего визита с мичманом мне ясна, – и бесстрашно повернувшись к ним спиной, бросает в лицо коренастому. – А скажите-ка мне, товарищ капитан-лейтенант вы коммунист?

– Что-о? – растерянно давится «боксер», вглядываясь в горящие глаза командира. – Кто-о?..

...«Предотвращенная схватка, – выигранная схватка...» –

так, кажется, говорил учитель Феликса на тренировках восточных единоборств в Нахимовском училище, но если бой с неравным противником неизбежен «...никогда не вступай в сражение с толпой обезьян, уничтожь главаря, остальные признают тебя победителем...» и, конечно же, «...бей первым» – услышит он чуть позже из уст... величайшего человека.

– Именно вы! Кто ж ещё? – уверенно давит командир. – Потому как вы должны отдавать себе отчет в том, что, будучи старшим по званию, являетесь здесь главарем этой, – кивает за спину, – банды, самовольно без моего, либо моего командования, разрешения, вторгшейся на боевую единицу флота! И осознавая всю серьезность вашего проступка, прежде чем преступить к предписанному мне корабельным уставом действиям, я ещё раз русским языком спрашиваю: вы, товарищ, коммунист?

– Не-ет, не коммунист, – растерянно выдыхает «кап-лей» и, отступив на полшага от лейтенанта, с опаской в голосе представляется, как и тот при встрече его у трапа, по уставу. – Старший помощник командира четыреста тридцать первого Базового тральщика, на котором служил штурман из... – поперхнулся, – той самой несчастной комнаты, которую он передал нашему новому механику, – и, опомнившись, грубо добавляет, – а при чем тут коммунист или... не коммунист?

– Понятно, – потеряв интерес к боксеру, отворачивается

от него Стариков. – А вы, товарищ лейтенант, или вы, товарищ мичман, коммунисты?

– Ну-у, я коммунист! – с ненавистью выдыхает долговязый в развивающейся, словно бурка на ветру, шинели. – И что с того?

– Очень хорошо, – радуется Феликс, с интересом разглядывая полыхающее гневом лицо оппонента, – тогда, вас, как коммунист коммуниста, попрошу вывести своих несознательных товарищей комсомольцев на стенку и проследовать вместе со мной... в политотдел Бригады.

– Куда? – трет вспотевший лоб чернолицый, сдвинув форменную «шапку-ушанку» на затылок.

– В политотдел, к начальнику, – лукаво глядя снизу вверх в темно-карие глаза механика «БТ-ешки», рубит хозяин «Антилопы», – для подачи рапорта о случившемся конфликте и публичного разбора возникшей ситуации на партсобрании Бригады.

– А не пошел бы ты... лейтенант, – с поднятым для удара ремнем, начал, было, мичман, не заметив, как зацепился бляхой за ручищу вовремя подоспевшего к «полю битвы» боцмана «Антилопы», старшего матроса Стрельбы.

– Отставить, – очнувшийся от потрясения, бросает старпом Базового тральщика. – Ты что, Стариков, шуток не понимаешь, что ли?.. Посуди сам, это ж не справедливо, когда в твою комнату вваливаются чужие люди, роятся в личных вещах, да ещё в придачу и замок на двери меняют.

– Чу-жи-е? – вспыхивает Феликс, краем глаза замечая, как весь его небольшой экипаж в полном составе выстраивается «строем уступа» за спиной Сашки Стрельбы. – К вашему сведению, товарищ капитан-лейтенант, эта комната принадлежит не дивизиону базовых тральщиков, а тылу Базы, числится на балансе судоремонтного завода и закреплена за всей нашей Бригадой, которая два года назад на ЖБК распределила её вашему бывшему штурману на период службы его у нас в Бригаде. Вчера исполнилось ровно два месяца, как он покинул нашу войсковую часть, но ключи в нарушение условий заключённого с ним договора до сих пор коменданту общежития не сдал, напротив даже украл запасной комплект у дежурного администратора.

– И что из того? – не утихает длинный.

– А то! – не оборачиваясь, в свою очередь кипит Стариков. – Позавчера на жилищно-бытовой комиссии был рассмотрен мой рапорт, согласованный с начальником тыла Базы, директором завода и комендантом общежития, где комната была перераспределена мне.

– И что из этого...

– Таким образом, – бесцеремонно перебивает его командир, – со вчерашнего дня я являюсь законным её владельцем, о чем имеется соответствующая выписка комиссии. Старший администратор общежития вчера установленным порядком прописал нас совместно с женой в данное помещение, чужое имущество, по недоразумению оказавшее в моей

комнате, мы вместе с ним описали и перенесли к нему на склад на временное хранение. Неоплаченную вашим штурманом квартплату на коммунальные услуги комнаты за последний квартал я уже оплатил, квитанция у меня, если желаете мне компенсировать расходы за своего нерасторопного товарища, то я не возражаю!..

– Вот это да-а-а, – опустив руки, тянет обмякший мичман, не заметив, как лишился своего «боевого ремня».

– Ну, и чья это комната? – Стариков сурово исподлобья, не мигая, буравит глазами «кап-лея». – Кто, по-вашему, в ней чужой?.. Да и... тут, на «Антилопе», кстати, тоже?

– Здорово, – секунду помолчав и переглянувшись с покрывшимся малиновыми пятнами долговязым лейтенантом, выдыхает старпом и, глядя в сверкающие глаза Феликса, вдруг протягивает ему руку, широко улыбаясь. – Молодец, командир, уважаю...

Жильё. Первое собственное жильё!

Что может быть желанней и важней для молодой семьи?

И пусть даже это жильё будет самая-самая маленькая и абсолютно пустая комната с оборванными в ней обоями, под которыми кишат полчища насекомых, все одно – ничего важней и желанней её в этом мире для двоих молодых людей нет!

Во всяком случае, не было тогда, в восьмидесятые.

...Итак: дивизион рейдовых тральщиков, верхняя палуба рейдового тральщика с бортовым двести двадцать девятым

номером.

Заканчивается «большая приборка», группа офицеров соседнего дивизиона, мирно пожав руку «борзому» лейтенанту убывают восвояси.

Суббота. Начало зимы.

Когда-то в конце восьмидесятых.

Где-то на Балтике...

2014г. – 18.01.2024г.